

С Т А Т Ь И

А. ГАКСТГАУЗЕН И РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ

Н. М. ДРУЖИНИН

Имя А. Гакстгаузена и его трехтомное сочинение о путешествии по России¹ были широко известны в русских правительственных и общественных кругах 40—70-х годов XIX в. И путевые впечатления А. Гакстгаузена, и его многократные выступления в печати стали крупным явлением в истории русско-германских культурных связей в переломный период перехода от феодальной формации к капитализму.

Барон Август фон Гакстгаузен вышел из среды землевладельческой знати Вестфалии и был воспитан в строгих правилах католической церкви и консервативного монархизма. В юности он принял активное участие в национально-освободительной войне 1813 г., а после ее окончания сблизился с представителями немецкого романтизма и исторической школы права, воплотивших в себе реакцию против Французской буржуазно-демократической революции. Устремление в прошлое, поиски самобытных начал германской народности, резкое отрицание просветительских идей XVIII в. навсегда определили политическую позицию А. Гакстгаузена. Его идеалом была эпоха феодального средневековья: его вдохновляло иллюзорное представление о гармоническом единстве Священной Римской империи, германской нации и всемогущего престола римского папы. События новой европейской истории представлялись ему в виде смены добровольного христианского подчинения власти языческим «обоготворением человечества»; он видел в ней крушение великих начал далекого и невозвратного прошлого². В течение ряда лет А. Гакстгаузен управлял имением своего отца и заинтересовался аграрными отношениями Германии: в них он искал утраченную органичность и цельность немецкого народа — в соответствии с принципами своего мировоззрения. Он обстоятельно изучил аграрный строй прусских провинций и в качестве королевского советника принял участие в подготовке прусских аграрных законов. Обследуя бывшие славянские земли, А. Гакстгаузен обратил внимание на остатки общинного строя, которые показались ему загадочными и необычными для немецкой деревни. У него возникло желание изучить славянскую общину не только по сочинениям и документам, но и путем живого восприятия действительности³.

¹ Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands von August Freiherren von Haxthausen, I, II, Hannover, 1847; III, Berlin, 1852 (далее: «Studien»).

² «Studien», III, S. 180—195.

³ Биографические сведения о бароне А. Гакстгаузене. См. «Журнал Министерства юстиции», 1866 г., № 12, стр. 667—668; «С.-Петербургские ведомости», 1867 г., № 1 (непечатки некролога из «Kölnische Zeitung», 1867 г.).

А. Гакстгаузен попросил русское правительство разрешить ему объехать Россию, изучить ее производительные силы, сельские отношения, обычаи и нравы, считая, что итоги этой поездки будут полезными не только России, но и Западной Европе. Николай I дал А. Гакстгаузену разрешение при условии, что его путешествие будет не правительственным, а частным делом. Гакстгаузен был радушно встречен в официальных и дворянских кругах Петербурга; к нему были прикомандированы образованные чиновники, хорошо знавшие немецкий язык; лучшие специалисты Министерства государственных имуществ доставили ему статистические материалы; по всем губерниям, входившим в разработанный маршрут, были разосланы предписания оказывать А. Гакстгаузену всемерное содействие; все расходы по путешествию взяло на себя русское правительство.

В течение шести месяцев А. Гакстгаузен осмотрел обе столицы, объехал часть северных районов, почти все Поволжье и несколько губерний черноземного центра, побывал в Крыму и Закавказье, познакомился со значительной частью Украины и осенью 1843 г. возвратился в Москву. Здесь он общался не только с местной аристократией, но и с представителями дворянской интеллигенции, присутствовал при спорах между западниками и славянофилами и особенно часто беседовал об общине с Константином Аксаковым⁴. Покидая Россию, он получил согласие русского правительства субсидировать издание его будущего сочинения и начал обработку накопленного материала с командированным в Берлин чиновником киселевского министерства. Подготовительная работа заняла у А. Гакстгаузена три года: первые два тома его «*Studien*» вышли на немецком языке в 1847 г.⁵

Книга была снабжена не только описанием живых эпизодов, но и цифровыми данными, почерпнутыми в центральных и местных учреждениях. Сообщаемые факты автор сопровождал личными размышлениями и обобщающими выводами. Его основное внимание было сосредоточено на значении русской поземельной общины и на деятельности самоуправляющегося крестьянского «мира»; попутно, в противовес характеристике крупной промышленности, давалась сочувственная оценка мелкой промышленной артели. А. Гакстгаузен рассматривал русскую крестьянскую общину в полном соответствии с воззрениями славянофилов: по его мнению, это было самобытное исконное учреждение, которое органически выросло из славянской патриархальной семьи и легло в основу государственного строя России. Петровские реформы не затронули этого старинного основания народной жизни, — оно сохранило свою самостоятельность и животворную силу. Между высшими классами, которые заимствовали европейские вкусы и нравы, и широкими народными массами образовалась зияющая пропасть. Однако крестьянская община во всех ее вариантах осталась прочным оплотом нормальной государственной жизни: она оградила Россию от появления пролетариата, а следовательно, от разрушительных начал нового времени. То, чего добиваются на Западе социалисты и коммунисты, существует в России как непреложный факт всей русской истории. Таким образом, Гакстгаузен нашел в николаевской России известное осуществление своего идеала — патриархальные сельские отношения, воплощающие в себе, с его точки зрения, органическое и цельное развитие народной жизни.

А. Гакстгаузен не был «первооткрывателем» крестьянской общины: о наличии крестьянского мира с общинными переделами и круговой по-

⁴ «*Studien*», III, S. 2—6; А. И. Герцен. Собр. соч., т. IX, М., 1956, стр. 163; т. XVIII, М., 1959, стр. 203—204 (далее: Герцен); Николай Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VII, СПб., 1893, стр. 281—284.

⁵ Исторические материалы из архива МГИ, вып. II, СПб., 1891, стр. 189—207; В. И. Семеновский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX в., т. II, СПб., 1888, стр. 429—443.

рукой хорошо знал каждый русский помещик. В XVIII в. общину описывали И. Болтин и А. Радищев⁶. В начале XIX в. среди образованного дворянства и в правительственных органах велась кампания против устарелого общинного землепользования в целях рационализации сельского хозяйства. Институту поземельной общины противопоставлялся принцип частной буржуазной собственности на землю: на этом основании был построен закон 1803 г. о свободных хлебопашцах и проекты реформы государственной деревни 1820-х—1830-х годов. Эту мысль мы находим и в революционном проекте конституции декабриста Никиты Муравьева, и в замечаниях его оппонента С. П. Трубецкого⁷. Однако с 30-х—40-х годов XIX в. отрицательные стороны капитализма в Западной Европе, бедственное положение европейского пролетариата и распространение социалистических идей поколебали в глазах правительства и консервативного дворянства идею свободного рационально поставленного «фермерства». Поземельная община с ее уравнительными переделами стала рассматриваться как гарантия против образования пролетариата, как охранительное начало, которое ставит преграду всяким «разрушительным теориям». Славянофилы подняли эту точку зрения на высоту историко-философской концепции: в поземельной общине и самоуправляющемся «мире» с его сходами и старостами они усмотрели исконное самобытное начало славянской и, в частности, русской жизни,— не только своеобразное, но и противоположное западноевропейскому разлагающему принципу частной собственности. В 1838 г. Иван Киреевский впервые сформулировал эту основополагающую мысль славянофильского кружка. Ту же идею повторил в 1842 г. (т. е. ранее путешествия А. Гакстгаузена) А. С. Хомяков, утверждавший, что мирская община спасает русского поселянина от состояния западного пролетария⁸. Константин Аксаков специально занялся изучением старинных грамот, чтобы показать исконное происхождение русской общины, ее внутреннюю нравственную связь, свободное самоуправление и патриархально-семейный характер⁹. Именно эту сторону славянофильского учения воспринял немецкий исследователь, подготовленный к таким выводам всем своим мировоззрением и поисками решения «загадочных» вопросов, связанных с пережитками славянского прошлого.

А. Гакстгаузен выпустил третий обобщающий том своего сочинения через пять лет после двух первых. За это время Западная Европа пережила революцию 1848 г., кровавую расправу с пролетарским восстанием в Париже и реакционный венгерский поход 1849 г., организованный Николаем I. А. Гакстгаузен был непосредственным свидетелем революции в Германии, наблюдал распространение социалистических идей и сочувственно воспринял победу реакции у себя дома и в соседних странах. Впечатления бурных месяцев 1848—1849 гг. не могли не отразиться на его обобщающих выводах. Концепция общинно-патриархального строя России, уже намечавшаяся в I и II томах «Studien», получила более развитую и заостренную форму. Прежняя проблема приобрела всемирно-историческую постановку. Что такое Россия в отличие от Западной Европы и каково ее значение в развитии мировой цивилизации? Содержание III тома было подробно мотивированным ответом на этот главный вопрос. Сила России,— утверждал А. Гакстгаузен,— в одно-

⁶ Ив. Болтин. Примечания на историю древние и нынешние России г. Леклерка., т. II, 1788, стр. 340—344; А. Н. Радищев. ПСС, т. III, М.—Л., 1952, стр. 130—131.

⁷ ПСЗ, т. XXVII, №№ 20620, 20625; Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I, М.—Л., 1946, стр. 156—158, 175—177; его же, Декабрист Никита Муравьев, М., 1933, стр. 187—188, 213—214, 307, 324.

⁸ А. С. Хомяков. ПСС, т. III, М., 1900, стр. 70; И. В. Киреевский. ПСС, т. I, М., 1910, стр. 115.

⁹ К. С. Аксаков. ПСС, т. I, М., 1889, стр. 21, 41, 50, 52, 55, 58, 82, 123, 203, 303, 396.

родности ее населения, в единстве ее языка, обычаев, общественного и политического строя, который уходит корнями в глубокое прошлое и придает всему государству органичность и цельность. А. Гакстгаузен не отрицал необходимости и целесообразности петровских реформ — в этом отношении он открыто расходился с учением славянофилов. По его мнению, Россия — страна европейская, и заимствование романо-германской культуры было для нее необходимым этапом после освобождения от ига монголов. Но в отличие от Запада Россия не имеет дворянства, глубоко и прочно связанного с землей; русское дворянство — служилое сословие, созданное государственной властью, ничем не отличающееся по своим нравам от светского общества западноевропейских стран. Бюрократия, созданная Петром, так же как в Европе является злом, но злом наименьшим: она вторгается в народную жизнь, подрывает ее старинные устои, но, осуществляя политику абсолютизма, спасает народ от разрушительных теорий нового времени. Подлинное могущество народа коренится в его семейно-патриархальном быте, в славянской поземельной общине, в свободном самоуправлении, в самостоятельно организующейся артели. Находясь между Западной Европой и Азией, Россия выполняет великую миссию распространения христианской романо-германской культуры среди отсталых азиатских народов. А. Гакстгаузен убежден, что в конце концов восточная церковь соединится с западной и тем самым единство европейского мира будет окончательно упрочено. Россия спасла Европу от революции, опираясь на могущественную силу своих патриархальных принципов. Отец в семье, выборный староста в общине и неограниченный царь во главе государства связаны друг с другом неразрывной связью исторического развития и преемства. Могущество и величие России непоколебимы, ее народ и ее армия стоят на страже ее исторического строя. Так выглядит феодально-реакционная концепция барона А. Гакстгаузена, продиктованная его классово-помещичьей позицией и обрамленная в религиозно-монархическую форму¹⁰.

«Studien» Гакстгаузена не могли быть точным отображением русской действительности. Не зная русского языка, немецкий исследователь зависел от правительственных чиновников — и в выборе объекта своих наблюдений, и в понимании явлений незнакомой ему жизни. А главное, А. Гакстгаузен подходил к русской, в частности к деревенской, жизни с точки зрения сложившегося мировоззрения немецкого полуфеодального помещика. Приехав в Россию, он уже имел определенный критерий для отбора и освещения своих путевых впечатлений. Кроме того, он не мог не учитывать отношения к его будущему труду со стороны русского правительства: прося субсидии на издание своего исследования, он посылал в Петербург все подготовленные тома своих «Studien» для предварительного ознакомления. А. Гакстгаузен не увидел в России жестокой эксплуатации крепостного крестьянства, не уловил процесса разложения крепостного строя, не понял природы и страшного влияния николаевского деспотизма. Слушая споры западников и славянофилов, он полагал, что эти молодые люди — просто «фронтеры», критикующие правительство под влиянием разрушительных теорий Запада.

Однако при всех недостатках сочинение А. Гакстгаузена стало важным источником для понимания аграрных отношений в России. Автор подходил к явлениям русской жизни с чрезвычайным интересом и большой наблюдательностью, обладая широким знанием сельского хозяйства, он умел уловить многие характерные черты деревенского быта.

¹⁰ «Studien», III, S. 6—238 (Сам А. Гакстгаузен считал, что более точно выражены его мысли во французском издании, вышедшем на год позже: *Études sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie. Troisième volume.* Berlin, 1853, ch. I—V).

Его конкретные описания, добросовестно изложенные в хронологическом порядке, до сих пор не потеряли своего научного значения. Именно поэтому сочинение А. Гакстгаузена приобрело такой авторитет в широких кругах русского образованного общества. Что касается его общей концепции, то она возбудила живые споры, особенно по вопросу об исторической роли поземельной общины.

Первый, кто публично высказался о книге А. Гакстгаузена, был русский эмигрант, революционный демократ А. И. Герцен. Еще в России Герцен сосредоточенно размышлял о положении русского крестьянства. По его собственным словам, он познакомился с деревенской жизнью не только в поместьях своего отца, но и во время своей ссылки в Вятской и Новгородской губерниях¹¹. Еще в Москве Герцен имел с А. Гакстгаузенем продолжительную беседу, которую изложил в своем дневнике 13 мая 1843 г.: «Я имел случай говорить с Якстгаузенем; меня удивил ясный взгляд на быт наших мужиков, на помещичью власть, земскую полицию и управление вообще. Он находит важным элементом, сохранившимся из глубокой древности, общинность, его-то надобно развивать сообразно требованиям времени...»¹².

Уже тогда Герцен поставил перед собой вопрос о жизненных силах русской поземельной общины; однако он не мог согласиться с мнением славянофилов и склонялся к мысли о застойном характере этого института, заглушающего протест против крепостного гнета¹³. Совершенно иную постановку приобрел для Герцена вопрос об общине, когда он пережил кровавое подавление революции 1848 г. Он ехал во Францию, а затем в Италию с иными мыслями и чувствами, чем ехал Гакстгаузен из Германии в Россию. Очарованный западноевропейской культурой, Герцен преклонялся перед демократическими лозунгами Великой французской революции, с которыми сливал свои молодые мечты о неминувом торжестве социализма. Непосредственно пережив на улицах Рима и Парижа праздничное торжество «весны народов», Герцен был потрясен победой буржуазной реакции, которая разрушила его иллюзорную веру юношеских дней. В обстановке беспощадной и жестокой реакции, Герцен пришел к выводу о близком крушении европейской цивилизации. Он чувствовал вокруг себя веяние смерти, у него не осталось никаких надежд на возрождение западноевропейской демократии; бессилие масс и их революционных вождей повергло его в состояние безнадежного отчаяния¹⁴. В такой обстановке Герцен прочел первые два тома сочинения А. Гакстгаузена, еще раз продумал свои прежние споры со славянофилами и, охваченный любовью к покинутой родине, пришел к выводу, что А. Гакстгаузен прав в своей оценке русской общины и артели. Перед Герценом, по его словам, забрезжила «едва заметная полоска на востоке, намекающая на дальнейшее утро, перед наступлением которого разразится не одна туча»¹⁵. Уже в конце 1849 года, который Герцен проклял за все его преступления перед человечеством, он опубликовал на французском языке свою замечательную статью «Россия», в которой изложил мнение А. Гакстгаузена, характеризуя его, как «консерватора, эрудита старого закала и благосклоннейшего в мире наблюдателя». В этой статье Герцен заложил основы своей утопической теории «русского социализма». Разделяя иллюзии немецкого путешественника (но далеко не все!), Герцен писал: «А. Гакстгаузен совершенно прав: социальное устройство сельских общин в России — истина столь же великая, как и могущественная славянская организация политической системы. Община является собственником и объектом обложения; она от-

¹¹ Герцен, т. XII, стр. 261.

¹² Там же, т. II, стр. 281—282.

¹³ Там же, стр. 288.

¹⁴ Там же, т. VI, стр. 44.

¹⁵ Там же, стр. 112.

ветственна за всех и каждого в отдельности, а потому автономна во всем, что касается ее внутренних дел... Сельский пролетариат в России невозможен»¹⁶.

Однако, соглашаясь с Гакстаузенем, что сельская община «животворящая монада русского государства», Герцен подошел к вопросу с диаметрально противоположной точки зрения, чем прусский королевский советник: он был убежден, что одряхлевшая культура германо-романского мира должна уступить место страстно ожидаемому социалистическому строю. То, что является для Запада только надеждой, к которой устремлены его усилия,— говорил он,— для нас уже действительный факт, с которого мы начинаем; угнетенные императорским самодержавием, мы идем навстречу социализму, как древние германцы, поклонявшиеся Тору или Одину, шли навстречу христианству»¹⁷. Если А. Гакстаузен неразрывно объединял сельскую автономную общину с властью императора, то Герцен, наоборот, резко противопоставлял самостоятельную самоуправляющуюся общину деспотизму царского самодержавия; если А. Гакстаузен видел в католицизме высшую силу христианского мира, то Герцен, наоборот, радовался, что русский народ не был развращен католицизмом, что он свободен от всяких духовных оков, которые мешают наступлению мира свободы и равенства. Герцен был согласен с А. Гакстаузенем, что русское дворянство не имеет глубоких и самостоятельных корней в стране, что оно представляет собою служилое сословие, подчиненное власти, но он выделял из состава дворянства среднюю прослойку, центром которой является Москва: именно здесь, по его мнению, таится зародыш будущей революции, именно тут, несмотря на оторванность от народа, «кипит множество страстей и сил», которые нашли свое воплощение в поэзии Пушкина и восстании декабристов. Словом, вместо феодально-патриархальной концепции А. Гакстаузена Герцен развивал революционное учение о крушении абсолютизма и освобождении подавленной сельской общины¹⁸.

С этого момента на протяжении многих лет Герцен неустанно пропагандировал свою теорию «русского социализма» и перед западноевропейским читателем, и перед своими московскими друзьями. Не отрицая, что работа А. Гакстаузена «интересный, но неистово реакционный труд»¹⁹, Герцен использовал его конкретные данные, окончательно сформулировав свою концепцию в ряде статей — «О развитии революционных идей в России», «Русский народ и социализм», «Старый мир и Россия». Сельская община в представлении Герцена стала великим историческим достижением русского народа: «Община — по его словам — спасла русский народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти; она благополучно дожила до развития социализма в Европе»²⁰. Сочетание западноевропейских социалистических идей с русским общинным миром обеспечит победу социализма и обновит дряхлеющую западноевропейскую цивилизацию.

Появление третьего тома сочинения А. Гакстаузена заставило Герцена резче отмежеваться от его феодально-патриархальной теории. Это было тем более необходимо, что сам А. Гакстаузен на страницах третьего тома противопоставил свое понимание русской общины («как органической принадлежности патриархальной демократии») революционной трактовке Герцена («безжизненному призраку — как утверждал Гакстаузен — современного раздробленного демократического об-

¹⁶ Герцен, т. VI, стр. 198—201.

¹⁷ Там же, стр. 204.

¹⁸ Там же, стр. 205—221.

¹⁹ Там же, т. VII, стр. 260.

²⁰ Там же, стр. 323; ср. стр. 128—132, 271—306; т. XII, стр. 134—166.

щества»²¹). В 1852—1853 гг. Герцен в статьях «Русское крепостничество» и «Крещеная собственность» по-прежнему соглашался с мнением А. Гакстгаузена о могучем влиянии русской общины и артели, но в то же время подчеркивал его «неописуемую, неистовую страсть к монархизму», его раболепное подчинение гегелевской формуле — «все существующее разумно», его идеализацию патриархальной власти помещика, его «страстную любовь рабства»²².

В своей теории «русского социализма» Герцен применял правильный диалектический метод, он утверждал, что в процессе закономерного развития отставшим народам необязательно проходить все фазы социальной эволюции, что Россия сохранила стихийный зародыш социализма, который расцветет, оплодотворенный передовыми идеями человечества. Но у Герцена, несмотря на его философскую позицию детерминизма, не было конкретного научного анализа ни положения Западной Европы, ни состояния русской общины. Он оставался во власти социального романтизма, ему не хватало собственных наблюдений над русской деревенской жизнью, он не замечал начавшегося процесса разложения общины на территории Европейской России. Между тем в середине XIX в. расслоение крестьян в недрах поземельной общины уже влекло за собой определенные экономические последствия: наряду с общинными землями, росло количество участков, приобретенных в частную собственность зажиточными крестьянами; развивалось предпринимательство деревенских богачей на купчих и арендованных землях; в промышленных артелях верховодили эксплуататоры-подрядчики; общинные наделы иногда сдавались беднякам в аренду тем же предпринимателем; сотни тысяч крестьян наполовину отрывались от земли, поступая на фабрики или отправляясь на сезонные сельскохозяйственные работы. Во всех своих публичных выступлениях — в статьях и на митингах — Герцен повторял абстрактно сформулированный тезис, внушенный ему односторонней характеристикой реальной действительности и утопической верой в животворную силу древнего национального института.

События второй половины 50-х годов нанесли сильнейший удар реакционной концепции А. Гакстгаузена и заставили русских публицистов придать новую, более реалистическую постановку вопросу о крестьянской общине. Парижский мир 1856 г. подорвал вывод А. Гакстгаузена о величии и несокрушимой силе николаевской империи; общественное движение в России, переросшее в революционную ситуацию, должно было изменить представление А. Гакстгаузена о русских «фрондерах», несвойственных характеру русского народа и государства. Подготовка и проведение реформы 1861 г. стали переломным моментом в истории России, важнейшим условием для перехода к буржуазной монархии, которую с такой антипатией наблюдал А. Гакстгаузен на Западе.

По мере роста общественного подъема и постепенного смягчения правительственной цензуры, крестьянский вопрос и, в частности, будущие формы крестьянского землепользования стали центральной проблемой русской публицистики. Уже в 1856 г. ясно определилось два политических течения, противостоявших крепостническому дворянству, — буржуазно-либеральное, к которому принадлежали передовые помещики, и революционно-демократическое, выражавшее интересы и чаяния крестьянства. В завязавшемся споре об общине буржуазные либералы повели атаку против теории А. Гакстгаузена с двух точек зрения: московский ученый Б. Н. Чичерин, ученик Т. Н. Грановского и автор антикрепостнических нелегальных записок, опровергал мнение А. Гакстгаузена об исконном, самобытно-славянском, патриархально-семейном характере современной поземельной общины в России; профессор И. В. Вернад-

²¹ «Studien», III, S. 150.

²² Герцен, т. XII, стр. 52, 54, 55, 113—114.

ский, последователь школы вульгарных экономистов, доказывал хозяйственную отсталость и историческую обреченность поземельной общины, которую возвеличивали А. Гакстгаузен, а вслед за ним — Герцен.

Против буржуазно-либеральной оценки поземельной общины в свою очередь выступил властитель дум молодого поколения, революционный демократ Н. Г. Чернышевский. На страницах «Современника» в 1856—1858 гг. он напечатал серию статей, которые отчасти повторяли призывы Герцена, но во многом отличались от его аргументации. Так же, как Герцен, Чернышевский исходил из идей утопического социализма, рассматривая русскую поземельную общину как гарантию против возникновения пролетариата и как зародыш будущего строя экономической ассоциации. Оценивая итоги развития Западной Европы, Чернышевский предпочитал критическую позицию славянофилов безоговорочным восхвалениям западников, но и в Западной Европе он видел зачатки новой неминуемой фазы социалистического производства. Свою первую большую статью на тему об общине Чернышевский целиком посвятил сочинению А. Гакстгаузена, не скрывая от читателей политической реакционности разбираемого автора: А. Гакстгаузен, по его словам, «не только не республиканец или хотя бы либерал, но даже не просто консерватор, а такой реакционер, какие в Германии могут быть встречаемы только между помещиками некоторых прусских провинций»²³. Но не это интересует Чернышевского. Для него важен конкретный материал, сообщаемый А. Гакстгаузенем, его практические выводы «просвещенного, опытного и проницательного сельского хозяина»²⁴. Чернышевский рекомендует А. Гакстгаузена как «исследователя, действительно замечательного и основательного, с мнениями которого не всегда можно соглашаться, но неутомимое трудолюбие и обширность знаний которого нельзя не уважать»²⁵. Чернышевский не согласен с мнением А. Гакстгаузена, что русская поземельная община составляет замечательную особенность славянского быта (так же, как не считает убедительными аргументы Чичерина о недавнем, чисто государственном происхождении этого института). Русская община — остаток патриархального быта, какой пережил все племена Западной Европы, и гордиться этим пережитком нет никакого основания: это результат отсталости русской экономической жизни, «следствие невыгодных обстоятельств нашего исторического развития». Но в данный момент, когда решается вопрос о дальнейшем экономическом развитии России, этот результат исторической отсталости может послужить важной точкой опоры для перехода к более совершенной форме общественной жизни.

В отличие от Герцена Чернышевский реалистически смотрит на ближайшее будущее. Россия уже находится на пороге капиталистического строя: «достоверно, что развитие экономического движения, заметным образом начинающееся у нас пробуждением духа торговой и промышленной предприимчивости, построением железных дорог, учреждением компаний пароходства и т. д., необходимо изменит наш экономический быт, до сих пор довольствовавшийся простыми формами и средствами старины. Волею или неволею мы должны будем в материальном быте жить, как живут другие цивилизованные народы»²⁶. Но история Англии, Франции и других стран показывает, что этот быт несет с собой разорение трудящегося населения. Для Запада уже начинается новая эпоха всемирной истории, возникает переворот, который приведет к более совершенным формам жизни. Переход от частной собственности на землю и промышленные предприятия в форму ассоциации сопровож-

²³ Н. Г. Чернышевский. ПСС, т. IV, стр. 316 (далее: Чернышевский).

²⁴ Там же, стр. 317.

²⁵ Там же, стр. 318.

²⁶ Там же, стр. 745.

дается мучительными кризисами и труден в силу непривычки европейских земледельцев к общинному труду. Россия находится в ином положении: она может использовать сохранившееся общинное земле- владение, общинные привычки и навыки распределения земли, чтобы минимизировать страдания пролетариата и беспрепятственнее перейти к общин- ному производству... «через пятьдесят, быть может через тридцать лет или — кто знает, замедлится или ускорится неизбежный ход событий? — быть может и раньше — будет уже поздно поправлять дело»²⁷.

Чернышевский подробно останавливается на основном аргументе противников поземельной общины — о невозможности вводить сельско- хозяйственные улучшения и, следовательно, о невыгодности сельского хозяйства для членов общины. Опираясь статистическими данными, Чернышевский опровергает этот тезис. Пользуясь материалами Гакст- гаузена, он показывает многообразие форм общинного землевладения, возможность его приспособления к различным местным условиям и при- ходит к выводу (отличному от Гакстгаузена), что община, если она освобождена от внешнего насилия и мелочной опеки, не является пре- градой для улучшения сельского хозяйства. Конечно, благотворное влияние общины возможно только при определенных условиях: если земельная рента поступает трудящемуся земледельцу, и если он свобо- ден от кредитных обязательств. «Та форма поземельной собственности есть наилучшая для успехов сельского хозяйства, — говорит Чернышев- ский, — которая соединяет собственника, хозяина и работника в одном лице. Государственная собственность с общинным владением из всех форм собственности наиболее подходит к этому идеалу»²⁸. Если мы рас- шифруем эту подцензурную формулировку, то мысль Чернышевского будет для нас вполне ясной: условием перехода к общественной форме ассоциации должна быть национализация земли и распределение ее между общинами трудящихся крестьян — без всякого выкупа. Но такое условие предполагало, как необходимую предпосылку, крестьянскую революцию и конфискацию помещичьей собственности.

Чтобы уточнить свою мысль и убедить всех сомневающихся, Черны- шевский философски обосновывает диалектический скачок от более стсталой общественной формы к наиболее передовой, «минуя средние логические моменты». С другой стороны, в особой статье он решительно выступает против буржуазной теории «laissez faire, laissez passer», обо- сновывая необходимость активной помощи государства трудящимся массам. Необходимо только, говорил Чернышевский, чтобы деятель- ность власти была разумною, не принимала формы мелочной опеки, не насилывала людей, а исходила из их добровольных желаний.

Таким образом, используя материалы Гакстгаузена и принимая его вывод о пользе общинного землевладения, Чернышевский вносил в этот вывод новое содержание, развивая и обосновывая те самые «разруши- тельные теории», против которых ополчался А. Гакстгаузен. Аргумента- ция Чернышевского, развернутая в цикле его статей, была неизмеримо конкретнее и реалистичнее, чем пропаганда Герцена²⁹. Однако и там, и здесь в основе публицистических выступлений обоих революционных демократов лежала утопическая мысль о возможности социального пе- реворота в России, лишенная научного анализа тех движущих сил, кото- рые могут обеспечить реальный успех подобной революции.

Наряду с «Современником», энергичным защитником крестьянской общины выступил «Колокол», издававшийся в это время Вольной рус- ской типографией Герцена в Лондоне.

²⁷ Чернышевский, т. IV, стр. 738.

²⁸ Там же, стр. 434.

²⁹ Там же, т. III, М., 1947, стр. 644—650; т. IV, М., 1948; стр. 303—348, 349—369; 722—730, 737—761; т. V, М., 1950, стр. 71—107, 357—392, 576—626, 686—710, 711—791.

Статьи обоих демократических журналов оказали огромное влияние на формирующееся мировоззрение передовой молодежи. Требование сохранить и сделать свободной крестьянскую общину повторялось в революционных прокламациях 60-х годов, в программах разночинских кружков, в спорах и переписке выдающихся деятелей этого периода. При этом герценовская идея самобытности русской общины явно преобладала над более реалистической точкой зрения Чернышевского. Таким образом, были заложены основы будущего народнического движения, которое окончательно сформировалось на рубеже 60-х и 70-х годов.

Во время подготовки реформы 1861 г. А. Гакстгаузен издал брошюру, в которой еще раз изложил свою точку зрения на хозяйственное и морально-политическое значение общинного землевладения. Он решительно выступил против намерения некоторых землевладельцев пойти по пути западноевропейских государств и разделить всю крестьянскую надельную землю между домохозяевами на основе частной собственности. Он утверждал, что Россия — единственная европейская страна, в которой сохранилось общинное землевладение, крепкая основа религиозно-нравственной цивилизации. Разумный государственный деятель не должен покушаться на этот замечательный институт, который имеет огромное значение «для всего мира и для России в особенности»³⁰. По-видимому, доводы А. Гакстгаузена произвели большое впечатление на председателя редакционных комиссий Я. И. Ростовцева. После оживленного обмена мнениями, редакционные комиссии заняли компромиссную позицию, которая в известной мере должна была удовлетворить и сторонников, и противников общины. Общинное землевладение сохранялось там, где оно существовало раньше; однако мирскому сходу предоставлялось право большинством двух третей голосов переходить с согласия помещика на подворно-наследственное землевладение и разрешать такой переход отдельным домохозяевам³¹. Таким образом, открывалась возможность постепенной ликвидации общинного землепользования и закрепления земельных наделов в частную собственность.

Развитие товарно-денежных отношений и усиливающееся разложение крестьянства нанесли новый удар патриархально-феодальной теории А. Гакстгаузена. Перед ним встал вопрос, что же произойдет дальше и каковы будут последствия обнародованной реформы для России и для всего мира? Этому вопросу была посвящена новая работа А. Гакстгаузена, вышедшая в свет на немецком языке в 1866 г., в год его смерти³². На основании материалов губернских комитетов и редакционных комиссий, систематизированных А. Скребичким, в книге излагались подготовка и сущность реформы 1861 г. Наиболее интересной частью этого сочинения была его заключительная глава, посвященная будущему русского дворянства и общинного землевладения. По мнению Гакстгаузена, отмена крепостного права поставила перед русским дворянством неотложную задачу: опираясь на Жалованную грамоту дворянству и на активную помощь правительства, непосредственно заняться хозяйством своих имений и сосредоточить в своих руках все местное управление. Что касается поземельной общины, то ее будущее, с точки зрения Гакстгаузена, остается нерешенным, но если она будет насильственно ликвидирована, то исчезнет самобытная основа силы и могущества русского государства. В этой последней работе о России Гакстгаузен особенно наглядно связал свою классовую помещичью позицию с проблемой общинного землевладения и управления крестьянами.

³⁰ Baron Auguste de Haxthausen. De l'abolition par voie législative du partage égal et temporaire dans les communes russes. Paris, 1858.

³¹ Положение о выкупе, ст. 163; Местное Положение о поземельном устройстве крестьян... в Губерниях Великороссийских, Новороссийских и Белорусских, ст. 115.

³² Die ländliche Verfassung Russlands. Ihre Entwicklung und ihre Feststellung in der Gesetzgebung von 1861. Von August Freiherrn von Haxthausen, Leipzig, 1866.

В 1869 г. «Studien» А. Гакстгаузена были изданы на русском языке (сюда не вошли ранее опубликованный «Закавказский край» и третий обобщающий том сочинения)³³. Книга вызвала многочисленные отклики в периодической печати. К этому моменту ясно обнаружились отрицательные стороны реформы и тяжелое положение крестьянства под давлением феодальных пережитков и развития ростовщического капитала. Народнические журналы «Отечественные записки» и «Дело» критичнее, чем Герцен и Чернышевский, подошли к работе А. Гакстгаузена: они отметили сомнительность многих источников автора и осудили его идиллическое описание крестьянской жизни. Однако, исходя из мнения о самостоятельности и жизненной силе русской общины, народники с этой точки зрения поддержали выводы А. Гакстгаузена³⁴.

К концу XIX в. процесс разложения общины под влиянием капиталистического развития России стал отчетливо виден не только революционным марксистам. Но этот бесспорный факт не снимает вопроса о материальной основе и наблюдений А. Гакстгаузена, и оценок Герцена и Чернышевского и утопических построений народников. В 40-х годах, когда Гакстгаузен объезжал европейскую часть России, а у Герцена сложилась теория «русского социализма», процесс разложения общины проходил только свою начальную стадию. В некоторых районах, особенно удаленных от крупных торговых центров и от речных магистралей, крестьянская община еще сохраняла свою жизненную силу. В моменты крестьянских волнений деревенский «мир», сдавленный властью помещика и чиновников, на некоторое время сбрасывал эту внешнюю давящую силу и самостоятельно выбирал сельскими старостами наиболее энергичных и смелых вожаков своего движения³⁵. Идея земельного передела сохраняла свою силу в сознании крестьянства: чем больше росло население и земельное «утеснение», тем могущественнее становилось стремление уравнивать землепользование среди обделенных слоев деревни. В течение 40-х годов около половины однодворческих сел центрально-черноземного района под давлением бедноты перешли от подворно-наследственного владения к поземельно-общинному³⁶. Даже позднее, в 1860-х годах, в Чигиринском уезде Киевской губернии развернулось широкое движение бедноты против «актовиков», владевших документами на землю, в пользу «душевиков» — с целью общинного передела земельных угодий³⁷. Специальные исследования, произведенные в 80-х — 90-х годах в Сибири, констатировали возникновение общинного землевладения там, где раньше применялись более первобытные методы — вольная займка и свободный захват земли³⁸.

В 70-х — 80-х годах К. Маркс и Ф. Энгельс живо интересовались проблемой русской поземельной общины. В 1877 г. Маркс подчеркивал, что его теория первоначального накопления не может служить «универсальной отмычкой», игнорирующей исторические условия различных стран и периодов. В предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста» основоположники марксизма писали в 1882 г.: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на

³³ «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России барона Августа Гакстгаузена», М., 1870. Перевод Л. И. Рагозина.

³⁴ «Дело», 1870, № 1; «Современное обозрение», стр. 53—58; Отечественные записки», т. CLXXXVII. СПб., 1869, «Современное обозрение», стр. 39—44; Ср. «Голос», 1869; № 305; «Дон», 1869, № 106—108; «Сын Отечества», 1869, № 235.

³⁵ «Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.», Сб. док. М., 1961, стр. 425, 484—485; Ср. «Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг.». Сб. док., М., 1962, стр. 372, 388.

³⁶ «Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ», вып. 1, СПб., 1858, стр. 111—115.

³⁷ «Материалы по історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875—1879 рр.)», Киев, 1934.

³⁸ А. А. Кауфман. Русская община, М., 1908.

Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»³⁹. Но русским народникам не удалось поднять на сознательное и мощное движение трудящиеся массы; не произошло в это время и пролетарской революции на Западе. Дальнейшее развитие капитализма, захватившее русскую деревню, окончательно рассеяло иллюзии русского общинного социализма. Тем не менее, Энгельс признавал историческое значение этого иллюзорного представления: «Вера в чудодейственную силу крестьянской общины, из недр которой может и должно прийти социальное возрождение,— вера, от которой не был совсем свободен, как мы видели, и Чернышевский,— это вера сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских передовых борцов»⁴⁰.

В 40—70-х годах по вопросу о крестьянской общине скрестились пути двух противоположных социально-политических мировоззрений: феодально-реакционной концепции А. Гакстгаузена и теории общинного социализма Герцена и Чернышевского. Исходя из своих жизненных наблюдений, русские революционные демократы использовали фактический материал немецкого путешественника, чтобы обосновать свою веру в возможность близкого социального переворота. Однако в силу своего идеалистического метода, а главное, вследствие хозяйственной отсталости России — как это подчеркивал В. И. Ленин — они не могли произвести научного анализа движущих сил социальной революции. В этом была их ошибка, но за этой ошибкой мы не должны забывать об объективном революционно-демократическом содержании их идеологии — об их борьбе за обеспечение крестьян землею и за полную демократизацию социально-политического строя России⁴¹.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 116—121, 305).

⁴⁰ Ф. Энгельс. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 451).

⁴¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 20, стр. 168—169, 175; т. 21, стр. 255—262.